

Ю.О.Гайворонский РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕЖИМЫ В РОССИИ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ НОВАЦИИ И ВОЗМОЖНОСТИ ИЗМЕРЕНИЯ¹

Ключевые слова: региональные политические режимы, авторитаризм, патримониализм, зависимость, концептуализация, измерение

¹ Статья подготовлена в рамках программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ по теме «Структурный анализ региональных политических режимов и электорального пространства», реализуемой Лабораторией региональных политических исследований.

² O'Donnell 1999.

³ См. Snyder 2001.

⁴ Лапина [Larina] 2006.

⁵ Туровский [Turovsky] 2009а: 79.

⁶ Hale 2006; Холмс [Holmes] 2013.

⁷ Для верификации данного тезиса достаточно сделать запрос в электронной библиотеке Elibrary.

Изучение региональных политических режимов является одним из наиболее перспективных, но вместе с тем недостаточно разработанных в отечественной политической науке направлений. Подобное положение вещей отчасти объясняется тем, что принято обозначать как «whole nation bias», — пренебрежением субнациональным уровнем в сравнительных исследованиях, на недопустимость которого в свое время указывал Г.О'Доннелл, подчеркивая территориальную неравномерность демократизации². Территориальное измерение помогает решить такие проблемы, как «мало случаев, много переменных» и контроль контекста, тем самым создавая условия для более глубокого понимания процессов трансформации (в том числе на национальном уровне) и обоснования теорий среднего уровня на базе сравнительного анализа³.

Другая причина отмеченной выше ситуации, как представляется, кроется в эволюции региональных политических исследований в России. В 1990-е годы внимание отечественных регионалистов оказалось сфокусировано на стихийной федерализации⁴, ослаблении федерального центра и разнообразии способов и методов осуществления власти в регионах. Слово приняв академический вызов О'Доннелла, политологическое сообщество страны обратилось к изучению территориальной неравномерности процессов демократизации, используя в качестве методологической рамки концепцию регионального авторитаризма. Однако, как справедливо отмечает Р.Ф.Туровский, будучи нацелены на выявление степени соответствия региональных процессов демократизации общегосударственным, российские исследователи использовали нерелевантную аналитическую рамку⁵, ибо даже в тот период политический режим в России не был демократическим⁶.

В 2000-е годы в условиях все более активного курса на рецентрализацию интерес к исследованию региональных политических режимов заметно снизился⁷. На наш взгляд, данная тенденция во многом связана с отсутствием тонкого инструментария, способного находить различия в формально унифицированной институциональной среде,

ставшей результатом реализации федерального закона «Об общих принципах формирования законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов РФ».

⁸ С.М. Гельман [Gel'man] 1998.

⁹ Shugart, Carey 1992.

Так, потерял свой эвристический потенциал подход В.Я.Гельмана⁸, использовавшего структурно-институциональную методологическую рамку М.Шугарта и Дж.Кэри⁹. Напомним, что в основу классификации там кладутся критерии, связанные с контролем ассамблеи или главы региона над кабинетом, а также возможностью сосуществования ассамблеи и кабинета в условиях взаимного недоверия. Результатом такой классификации становится матрица на пересечении, с одной стороны, форм правления (президентская, президентско-парламентская, премьер-президентская, парламентская), а с другой — типов ассамблеи (доминирующий, автономный, ограниченно автономный, подчиненный, полностью подчиненный). В 2000-е годы существование в российских регионах парламентских и премьер-президентских форм стало невозможным (Удмуртия и Карелия перешли к президентско-парламентской системе, Дагестан — к президентской).

¹⁰ Кузьмин, Мелвин, Нечаев [Kuz'min, Melvin, Nechaev] 2002.

¹¹ Dahl 1971.

Немного более гибкой представляется методика А.С.Кузьмина, Н.Дж.Мелвина и В.Д.Нечаева¹⁰, опиравшихся на концепцию полиархии Р.Даля¹¹, в центре внимания которой — политическая конкуренция между властью и оппозицией. Методика также включала в себя анализ конституционного дизайна (по Шугарту-Кэри) с учетом таких характеристик институциональной среды, как конкурентность выборов (по индексу Лааксо-Таагеперы) и уровень партийности легислатуры.

¹² О состязательном авторитаризме см. Levitsky, Way 2010.

Использование данной методики позволило выявить восемь типов региональных режимов, однако при изучении их динамики обнаружилось, что они крайне неустойчивы и постоянно сменяют друг друга. В связи с этим подход Кузьмина и его коллег не получил широкого распространения. К тому же в середине «нулевых» годов в условиях утверждения в стране состязательного авторитаризма¹² критерий уровня партийности регионального законодательного органа власти утратил свою различительную способность.

Казалось бы, с возвращением прямых выборов глав субъектов РФ ситуация в региональных исследованиях должна была кардинально измениться, однако этого пока не произошло, и изучением региональных режимов продолжает заниматься все тот же круг ученых (Туровский, Гельман, П.В.Панов, А.В.Дахин и некоторые другие).

¹³ Ковалев [Kovalev] 2001; Овчинников [Ovchinnikov] 2002.

Помимо отсутствия подходящего инструментария, причиной этого, вероятно, является и своеобразная «тропа зависимости»: категория «региональный политический режим» породила бурную дискуссию не только частного, но и онтологического характера. Ссылаясь на недостаточное своеобразие системных свойств региональных режимов в сравнении с общегосударственными, противники использования данной категории утверждают, что в условиях авторитаризма целесообразнее говорить о системе управления со слабой автономией внутренних акторов, то есть об административном режиме¹³.

¹⁴ *Сартори*
[Sartori] 2003:
152—160.

Еще в 1970 г. Дж.Сартори поставил проблему «перемещаемости концептов», порождающую так называемые «концептные натяжки»¹⁴. Стремясь в целях повышения надежности анализа охватить как можно большее число стран, ученые переоценивают однородность кейсов, сравнивая внешне схожие, но принципиально несравнимые вещи. К тому же большинство имеющихся концептов тесно связаны с определенным контекстом, будучи разработаны для анализа западных политических систем.

¹⁵ *Там же*: 153.

Располагая концептом высокого уровня абстракции, можно провести таксономическое развертывание путем логического выведения, тем самым устраняя разрывы в уровнях абстрагирования¹⁵. С этой точки зрения региональный политический режим есть продолжение общенационального, логически выводимое из него через территориальное измерение. Несмотря на то что в территориальном отношении региональные режимы меньше общенационального, они обладают большим числом коннотаций, так как требуют учета взаимосвязи национального и субнационального уровней. Говоря о такой взаимосвязи, мы имеем в виду прежде всего наличие общих конституционно-правовых рамок функционирования органов государственной власти и различных политико-общественных объединений и организаций. Игнорирование этого аспекта, по сути, приравнивает региональные режимы к общенациональным, что является неточным в концептуальном плане.

¹⁶ *Туровский*
[Turovsky] 2009a:
78.

Таким образом, категория «региональный политический режим» расположена на более низкой ступени «лестницы абстракции», нежели «политический режим» как таковой, в силу чего возникает потребность в учете контекста, позволяющего фиксировать даже относительно мелкие субнациональные различия. Это отчасти оправдывает критикуемую Туровским ориентацию отечественных регионалистов на *case studies*¹⁶. Да, исследования субнациональных режимов редко отличаются методологической строгостью. Подбор кейсов часто определяется территориальной аффилиацией автора либо осуществляется по внешним признакам (уровень экономического развития, титульный этнос и пр.). В то же время изучение сплошной выборки с применением изолированных математических моделей не способно обеспечить даже среднего уровня погружения в контекст. Это классическое противоречие между качественной и количественной стратегией анализа, хотя, конечно, в случае российских региональных исследований первая из них недостаточно выверена методологически.

Выход из сложившейся ситуации, на наш взгляд, открывает обращение к широко используемой в сравнительной политологии стратегии *cross-case study* по методу наибольшего различия (MDS). Базовое правило отбора кейсов в рамках MDS заключается в том, что исследованию подлежат случаи, различающиеся по одной переменной, но схожие по всем остальным.

Очевидно, что для выявления релевантных кейсов требуется многомерная методологическая рамка. Отсюда следует, что одномерные

¹⁷ Яковенко
[Jakovenko] 2005;
Петров, Титков
[Petrov, Titkov]
2013.

модели «демократичности» российских регионов¹⁷, какими бы обоснованными они ни были, такой рамкой служить не могут. Поэтому нужно задействовать представленные в сравнительной политологии многомерные концепции политических режимов.

Весьма перспективным в данном отношении представляется подход Туровского, который предлагает изучать региональные режимы в рамках трехвекторной модели «консолидация—конкуренция», «автономия—зависимость», «демократия—авторитаризм»¹⁸.

¹⁸ Туровский
[Turovsky] 2009a:
83—89.

Исследование регионального режима по оси «консолидация—конкуренция» включает в себя анализ формального институционального дизайна, степени автономии региональных властных институтов по отношению к губернатору, уровня развития и эффективности парламентского контроля над исполнительной системой, а также практики принятия решений (утверждение кандидатуры губернатора, вынесение ему вотума недоверия, роспуск ассамблеи и т.д.) и законов. Не менее важным является учет уровней власти: региональная власть, местное самоуправление, федеральные структуры и их представительства на территории региона, представительство региона на федеральном уровне.

Ось «центр—регионы», определяющая автономию регионального политического режима от общенационального, предполагает изучение, с одной стороны, практики назначения в регионы федеральных служащих, а с другой — жесткости контроля над региональной властью, а также степени финансовой независимости региона и развитости его представительства на уровне центра.

При выявлении степени демократичности регионального политического режима (ось «демократия—авторитаризм») используются такие показатели, как:

- насилие в политической практике, сознательное нарушение прав и ограничение свобод граждан, контроль над СМИ;
- возможность гражданского политического участия и публичность власти;
- возможность прихода к власти оппозиции через демократические выборы.

Заслуживает внимания и двухмерная модель С.Маззука. Критикуя утвердившуюся в современной сравнительной политологии тенденцию к умножению числа признаков демократии, исследователь доказывает, что на смену концептуальному расширению должно прийти концептуальное разделение. Предлагаемая им аналитическая рамка политического режима включает в себя два измерения, характеризующие доступ к власти («авторитаризм—демократия») и ее функционирование («патримониализм—бюрократия»)¹⁹.

¹⁹ Mazzuca 2004:
47.

Подход Маззука получил дальнейшее развитие в исследовании А.Джирауди, на основе эмпирического анализа субнациональных режимов Мексики и Аргентины пришедшей к заключению о независимости упомянутых измерений (коэффициент корреляции Пирсона в обоих

²⁰ Giraudy 2013: 59. случаях не превышал 0,3)²⁰. Согласно методике Джирауди, при оценке уровня демократичности следует использовать такие параметры как:

- чередование у власти (законодательной и исполнительной);
- состязательность в законодательной власти (эффективное число партий и доля мест прогубернаторской партии);
- состязательность в исполнительной власти (эффективное число кандидатов и так называемый «резерв победы», то есть разница между результатами победителя и кандидата, занявшего второе место);
- честность выборов (постэлекторальные конфликты).

В свою очередь, для выявления уровня патримониализма предлагается фиксировать развитие:

- горизонтальной подотчетности (наличие институтов фискального контроля и независимой судебной системы);
- вертикальной подотчетности (информационная открытость);
- патронажа (численность государственных служащих);
- правил дискреционной фискальной политики (присвоение муниципальных фондов).

Определенный интерес представляет и процедура оценки выделенных Маззука измерений, предложенная К.Джервасони и основанная на разработанной им методике экспертного опроса²¹. В отличие от таких исследователей, как К.Макманн и Н.Петров, которые просто предлагали экспертам назвать 10 наиболее демократичных и наиболее авторитарных регионов РФ²², Джервасони выводит соответствующие индикаторы путем анализа концепта субнациональной демократии (см. табл. I). С учетом субъективности восприятия понятия «демократия» преимущества данного подхода не вызывают сомнений. Тем не менее он тоже не лишен недостатков. Во-первых, как отмечает сам автор, ввиду когнитивных ограничений экспертные оценки «работают» применительно лишь к двум последним электоральным циклам. Во-вторых, при попытке использовать подобную методику для выявления причин становления и механизмов воспроизводства режимов она утрачивает свою надежность вследствие резкого роста субъективизма в оценках.

Представляется целесообразным синтезировать подходы Туровского и Маззука, которые отчасти пересекаются (по измерению «авторитаризм—демократия») и могут дополнить друг друга. Так, слабое место методики Туровского заключается в том, что измерение внутриэлитной консолидации довольно сложно вывести из самого концепта политического режима. Консолидация является важным его свойством, но морфологически избыточным, отчасти производным от других измерений: патримониальные и авторитарные режимы по определению более консолидированы, чем демократические и бюрократические²³. В свою очередь, подход Маззука не учитывает систему отношений «центр—регионы», по сути приравнивая региональные режимы по структуре к общегосударственным.

²¹ Gervasoni 2010.

²² McMann, Petrov 2000.

²³ Следует отметить, что механизмы взаимодействия элит там также различны. Демократические режимы компенсируют отсутствие сплоченных вокруг лидера групп за счет развитых политических институтов (см. Пшеворский [Przeworski] 2013: 398—248).

Таблица 1 Измерение субнациональных режимов по Джервасони

Измерение	Субизмерение	Компоненты
Доступ к власти	Включенность	Право голоса
		Право быть избранным
	Состязательность	Честность выборов
		Свобода слова
		Свобода организации
	Эффективность	Назначаемая местная власть
Избираемая государственная власть		
Функционирование власти	Институциональные ограничения	Легислатура
		Судебная власть
		Органы горизонтальной подотчетности
		Партия инкумбента
	Либеральные права	Свобода слова и информации
		Индивидуальные свободы
	Независимое гражданское общество	Коммерческие организации
		НКО

Источник: Gervasoni C. 2010. Measuring Variance in Subnational Regimes: Results from an Expert-Based Operationalization of Democracy in the Argentine Provinces // *Journal of Politics in Latin America*. № 2. P. 19.

Таким образом, оптимальная модель анализа будет включать в себя три измерения:

- «зависимость—автономия»;
- «авторитаризм—демократия»;
- «патримониализм—бюрократия».

Понятно, что при операционализации данной модели она должна быть адаптирована к российской действительности 2000-х годов, однако возможности «сплошного» измерения здесь ограничены. Помимо того, что, строго говоря, мы не имеем права оценивать все режимы после 2012 г., пока выборы по новым правилам не прошли повсеместно, чрезвычайно затруднен сбор данных по нарушению прав и свобод граждан. Поскольку информация на этот счет носит крайне фрагментированный характер и ее можно почерпнуть, по сути, лишь из проектов правозащитных организаций («Мемориал», «Amnesty International» и др.), при оценке уровня демократичности нам придется исходить из минималистской трактовки демократии, связывающей последнюю с наличием честных и конкурентных выборов²⁴. Соблюдение либеральных прав и свобод, безусловно, может варьировать от региона к региону, но в условиях

²⁴ Шумпетер [Schumpeter] 1995, Хантингтон [Huntington] 2003.

победы авторитарных тенденций на национальном уровне оно вряд ли способно приблизиться к западным стандартам.

В этой ситуации необходимо «взвешивание» индекса авторитарности с целью смещения среднего значения в большую сторону. В качестве ориентира можно воспользоваться одним из межстрановых индексов демократии. Наиболее релевантным в данном отношении представляется индекс Polity IV, измеряющий политические режимы по шкале от -10 до +10. Согласно этому индексу, авторитарными считаются режимы со значением ≤ -6 . В интервале от -6 до +6 режимы квалифицируются как анократии — открытые (от 0 до +6) или закрытые (-6 до 0). Открытые анократии условно можно приравнять к системам, обозначаемым как электоральный/состязательный авторитаризм²⁵, закрытые — к так называемой фасадной демократии²⁶.

²⁵ Schedler 2006; Levitsky, Way 2010.

²⁶ Milton-Edwards 1993.

Предлагаемая операционализация оси «авторитаризм—демократия» направлена на измерение различий в рамках открытой, но управляемой или ограниченной конкуренции, что соответствует открытой анократии. Таким образом, шкала [0;1] настоящего исследования соотносится с интервалом [0;6] проекта Polity IV, и поскольку значение индекса для России с 2008 г. равно четырем, получаемый нами ряд можно в среднем сместить на 0,3 в сторону увеличения авторитарности. Это довольно грубая, но, пожалуй, единственно возможная процедура при отсутствии объективной информации о либеральных (расширительных) аспектах полиархии и использовании экспертных оценок (которые тоже грешат субъективизмом).

При оценке региональных режимов по оси «зависимость—автономия» (см. табл. 2) прежде всего целесообразно задействовать индикатор дотационности, который является важным показателем не только экономической, но и политической зависимости от федерального центра, поскольку угроза сокращения межбюджетных трансфертов способна блокировать любые попытки проведения независимой местной политики.

В условиях типичного для российских регионов губернаторского моноцентризма необходимо также учитывать, в какой степени глава региона включен в местные элитные группы, кланы или клиенты. Если в первые годы после отмены прямых выборов губернаторов основной массе глав регионов были продлены полномочия (в обмен на лояльность), то в период президентства Д.А.Медведева возобладала практика назначения «варягов», то есть политиков, не связанных с регионом²⁷. Имеет значение и территориальная аффилиация руководителей федеральных структур (ФСБ, МВД, прокуратуры, ГФИ) в регионе, выступающих в качестве противовеса губернаторскому моноцентризму.

²⁷ Туровский [Turovsky] 2009б; Подвинцев [Podvincev] 2009.

Уровень авторитарности региона измеряется с помощью как общепринятых, так и модифицированных электоральных показателей. В первом случае — это индекс Х.Молины, корректирующий значения индекса эффективного числа партий Лааксо-Таагеперы с целью учета фактора доминирующей партии:

Таблица 2 Измерение региональных политических режимов

<i>²⁸ Экспертная оценка.</i>	<i>Вектор</i>	<i>Индикатор</i>	<i>Вес в индексе («внутри» каждой оси)²⁸</i>
	Зависимость (DEP)	Доля дотаций региональным и муниципальным бюджетам в консолидированном бюджете субъекта РФ — «Subs»	0,40
		Территориальная аффилиация губернатора (1 — «варяг»; 0 — местный) — «Gov»	0,30
		Территориальная аффилиация руководителей федеральных структур в регионе (1 — «варяг», 0 — местный) — «Chiefs»	0,30
	Авторитаризм (AUTH)	Административно-мобилизационный ресурс (корреляция явки и результатов «Единой России») — «AMR»	0,40
		Индекс Молинара — «Molinar»	0,30
		Авторитарная электоральная мобилизация — «Turnout»	0,30
	Патримонизм (PATR)	Прозрачность госзакупок (рейтинг «Transparency Russia») — «Transparency»	0,40
		Информационная открытость сайтов региональных органов власти (по рейтингу Фонда свободы информации) — «Openness»	0,30
		Численность государственных служащих на 1000 жителей — «Officials»	0,15
		Доля неэффективных расходов в объеме общих расходов консолидированного бюджета субъекта РФ (база данных оценки эффективности Минрегиона) — «Ineff»	0,15

$$N_M = 1 + N_{LT} \frac{\sum v_i^2 - v_1^2}{\sum v_i^2},$$

²⁹ Математическую процедуру измерения данного ресурса см. Собянин, Суховольский [Sobjanin, Sukhovol'skij] 1995.

где N_{LT} — индекс Лааксо-Таагеперы, v — доля голосов i -ой партии; v_1 — доля голосов партии-победителя. Во втором — так называемый административно-мобилизационный ресурс²⁹ и показатель авторитарной электоральной мобилизации, который рассчитывается путем возведения доли явки в квадрат (что приводит к резкому снижению веса средних и низких значений).

Патримониализм, понимаемый как стиль управления, противостоящий веберовскому идеалу бюрократии, оценивается с помощью четырех показателей. Первые два из них отражают прозрачность власти и системы государственного управления, а тем самым — уровень их подотчетности обществу. Для патримониальных режимов характерен также раздутый госаппарат, рассматривающий бюджет как источник извлечения ренты, что закономерно приводит к росту неэффективных расходов (третий и четвертый индикаторы).

Индексы осей конструируются аддитивно, путем сложения «взвешенных» коэффициентов, и имеют следующий вид:

$$DEP = 0,4 * Subs + 0,3 * Gov + 0,3 * Chiefs \quad (1).$$

$$AUTH = 0,3 + 0,7 * (0,4 * AMR + 0,3 * Molinar + 0,3 * Turnout) \quad (2).$$

$$PATR = 0,4 * Transparency + 0,3 * Openness + 0,15 * Officials + 0,15 * Ineff \quad (3).$$

Поскольку, как уже говорилось, выборы по новым правилам пока состоялись не во всех регионах, при измерении использовались данные за 2007—2011 гг., позволяющие оценить, к чему пришли региональные режимы на завершающем этапе централизации и консолидации режима общенационального. Полученные результаты представлены на *рис. 1—3*.

Как видно из *рис. 1*, жестко авторитарными и в тоже время крайне зависимыми в 2007—2011 гг. были весьма разнородные регионы (Воронежская область, Бурятия, Тыва, Чеченская республика и Чукотский АО); столь же, если не более авторитарными, но при этом достаточно автономными от федерального центра — группа регионов Приволжского ФО (Башкортостан, Татарстан, Пензенская и Ульяновская области). Отчетливо выделяется также группа относительно автономных от центра регионов с довольно мягким авторитаризмом, в которую входят Свердловская, Вологодская и Новосибирская области. В связи с этим победу оппозиции на выборах мэров Екатеринбурга (2013 г.) и Новосибирска (2014 г.) нельзя трактовать как случайность.

Сочетание авторитаризма и высокого уровня патримониализма характерно в основном для республик (Ингушетия, Чечня, Марий Эл, Калмыкия), а также для Белгородской области и Чукотского АО (см. *рис. 2*). «Оппозицию» им составляют регионы северо-запада (Ленинградская и Мурманская области, Карелия) и Самарская область.

Наконец, патримониальные режимы отчетливо различаются по степени зависимости от федерального центра (см. *рис. 3*). Примечательно, что Татарстан входит в кластер бюрократизированных автономных режимов наряду с Москвой и Санкт-Петербургом, тогда как другие республики Поволжья тяготеют к патримониализму. Что касается Москвы, замеры по которой делались применительно к 2009 г., то после отставки Ю.М.Лужкова уровень ее автономии значительно снизился.

Рисунок 1 Режимы на осях «зависимость» и «авторитаризм»

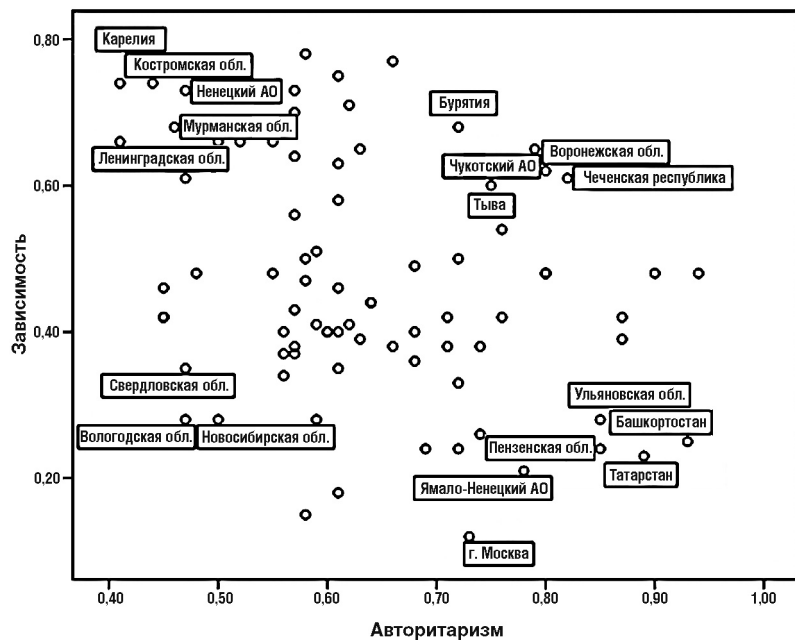

Рисунок 2 Режимы на осях «авторитаризм» и «патримониализм»

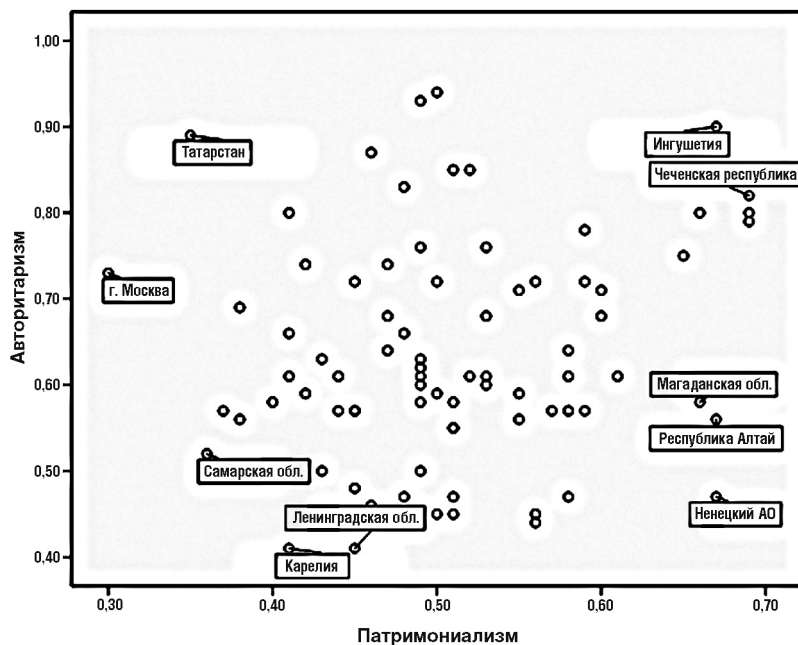
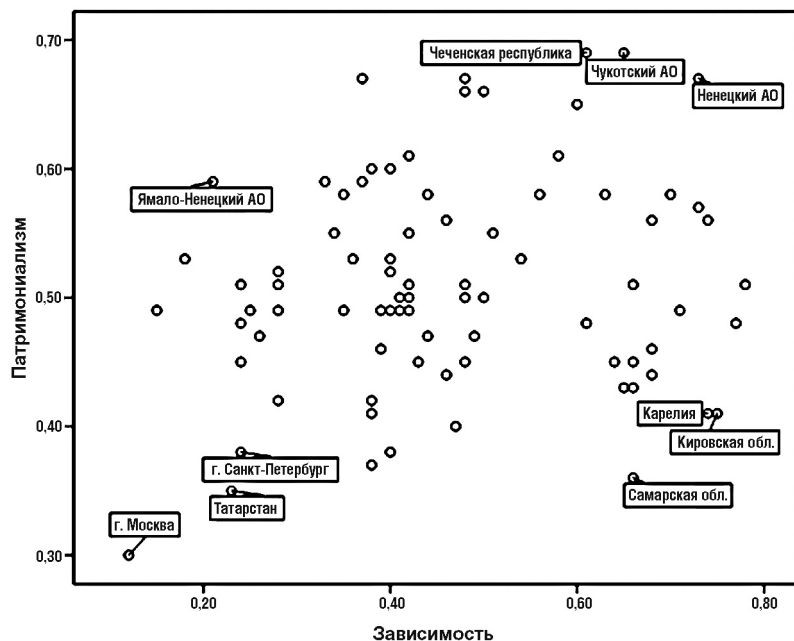

Рисунок 3 Режимы на осях «патримониализм» и «зависимость»

Результаты корреляционного анализа (см. табл. 3) указывают на отсутствие значимых связей между измерениями, что соответствует требованию ортогональности осей, свидетельствуя о релевантности самой методологической схемы и корректности экспертной оценки при выставлении веса в ходе конструирования индикаторов.

Таблица 3 Корреляции между осями региональных политических режимов

	<i>Зависимость</i>	<i>Авторитаризм</i>	<i>Патримониализм</i>
Зависимость	1	-0,09	-0,15
Авторитаризм		1	0,18
Патримониализм			1

В целях валидации полученных результатов нами была рассчитана корреляция измерений региональных режимов с рядом других индексов, таких как индекс демократичности российских регионов Московского фонда Карнеги (2006–2010 г.), индекс демократичности проекта «Демократический аудит» (2005 г.) и два субиндекса в рамках Рейтинга эффективности исполнительной власти в субъектах РФ Агентства политических и экономических коммуникаций (2014 г.). Поскольку мы

делали акцент именно на авторитарности российских регионов, коэффициент корреляции с индексами демократичности оказался отрицательным (высокая авторитарность означает низкую демократичность). В случае индекса Московского Центра Карнеги сила связи довольно высока, в случае индекса «Демократического аудита» — в два раза ниже (см. табл. 4).

Таблица 4 Корреляции измерений региональных режимов с другими индексами

	<i>Карнеги</i>	<i>Демократический аудит</i>	<i>Эффективность бюрократии АПЭК (по данным статистики)</i>	<i>Эффективность бюрократии АПЭК (экспертная оценка)</i>
Зависимость	0,092	0,023	-0,161	-0,164
Авторитаризм	-0,601*	-0,305*	-0,020	0,348*
Патримониализм	-0,078	-0,056	-0,335*	-0,120

* Коэффициент значим на уровне 0,01.

Интересная закономерность обнаружилась при подсчете корреляций между индикаторами эффективности бюрократии. Изначальная гипотеза состояла в том, что для патримониальных режимов характерен более низкий уровень эффективности, чем для бюрократизированных. Несмотря на временной лаг между периодами вычисления индекса АПЭК и использованного нами индикатора, получить значимый показатель удалось, но только по индексу, построенному на основе статистических данных. Результаты же экспертных оценок коррелируют с авторитарным вектором, еще раз высвечивая недостатки подобной методики.

* * *

Таким образом, предлагаемая концептуальная рамка и измерительный аппарат позволяют приходиться к результатам, сходным с теми, что были получены при вычислении аналогичных индексов. При этом трехвекторная модель оптимальна с точки зрения компактности и надежности данных, так как в минимальной степени задействует экспертные оценки. В содержательном отношении итоги измерения во многом соответствуют заключениям предшествующих исследований. Так,

большинство регионов СКФО характеризуются повышенным уровнем патримониализма и авторитарности, хотя, вопреки общепринятому мнению, не все они независимы от центра (Чеченская республика и Ингушетия) и авторитарны (Северная Осетия). В то же время возникает вопрос об адекватности допущения о тождественности экономической и политической зависимости применительно к республикам Северного Кавказа. Еще более интересно, что сходная ситуация в плане авторитарности и (нео)патримониализма наблюдается и в ряде регионов с доминированием русского этноса (Белгородская, Пензенская, Кемеровская и некоторые другие области), где, по сути, сохраняется вотчинный стиль правления.

Список особенностей региональных политических режимов можно продолжить, однако это выходит за рамки данной статьи и требует специальных исследований, очерчивание горизонта которых и составляло базовую интенцию настоящей работы. Предложенная методика, бесспорно, не лишена недостатков, но все же она позволяет продвинуться вперед в понимании актуального состояния региональных политий.

Библиография

- Гельман В.Я.** 1998. Региональная власть в современной России: институты, режимы и практики // *Полис*. № 1 [Gel'man V.Ja. 1998. Regional'naja vlast' v sovremennoj Rossii: instituty, rezhimy i praktiki // *Polis*. № 1].
- Гельман В.Я., Рыженков С.И.** 2010. Локальные режимы, городское управление и «вертикаль власти» // *ПОЛИТЭКС*. № 4 [Gel'man V.Ja., Ryzhenkov S.I. 2010. Lokal'nye rezhimy, gorodskoe upravlenie i «vertikal' vlasti» // *POLITEKS*. № 4].
- Даль Р.** 2010. *Полиархия: участие и оппозиция*. — М. [Dahl R. 2010. *Poliarkhija: uchastie i oppozicija*. — M.].
- Ковалев В.А.** 2001. *Политическая трансформация в регионе: Республика Коми в контексте российских преобразований*. — Сыктывкар [Kovalev V.A. 2001. *Politicheskaja transformacija v regione: Respublika Komi v kontekste rossijskikh preobrazovanij*. — Syktyvkar].
- Кузьмин А.С., Мелвин Н.Дж., Нечаев В.Д.** 2002. Региональные политические режимы в постсоветской России: опыт типологизации // *Полис*. № 3 [Kuz'min A.S., Melvin N.J., Nechaev V.D. 2002. Regional'nye politicheskie rezhimy v postsovetsoj Rossii: опыт tipologizacii // *Polis*. № 3].
- Лапина Н.Ю.** 2006. «Центр — регионы» в постсоветской России: история, механизмы взаимодействия, сценарии будущего // *ПОЛИТЭКС*. № 2 [Lapina N.Ju. 2006. «Centr — regiony» v postsovetsoj Rossii: istorija, mekhanizmy vzaimodejstvija, scenarii budushhego // *POLITEKS*. № 2].
- Овчинников А.П.** 2002. *Политическая регионалистика: Три уровня власти в региональном измерении*. — Самара [Ovchinnikov A.P. 2002. *Politicheskaja regionalistika: Tri urovnja vlasti v regional'nom izmerenii*. — Samara].

Петров Н., Титков А. 2013. *Рейтинг демократичности регионов: 10 лет в строю.* — М. [Petrov N., Titkov A. 2013. Rejting demokratsichnosti regionov: 10 let v stroju. — М.].

Подвинцев О.Б. 2009. Губернаторы-«варяги» и региональные политические элиты в современной России: условия и тенденции взаимодействия // *ПОЛИТЭКС.* № 2 [Podvincev O.B. 2009. Gubernatory-«varjagi» i regional'nye politicheskie ehliny v sovremennoj Rossii: uslovija i tendencii vzaimodejstvija // POLITEKS. № 2].

Пшеворский А. 2013. Политический институт и политический порядок // Пшеворский А., Мигранян А. (ред.) *Демократия в российском зеркале.* — М. [Przeworski A. 2013. Politicheskij institut i politicheskij porjadok // Przeworski A., Migranjan A. (red.) Demokratija v rossijskom zerkale. — М.].

Сартори Д. 2003. Искажение концептов в сравнительной политологии (II) // *Полис.* № 4 [Sartori J. 2003. Iskazhenie konceptov v sravnitel'noj politologii (II) // Polis. № 4].

Собянин А.А., Суховольский В.Г. 1995. *Демократия, ограниченная фальсификациями: Выборы и референдумы в России в 1991—1993 гг.* — М. [Sobjanin A.A., Sukhovol'skij V.G. 1995. Demokratija, ograničennaja fal'sifikacijami: Vybery i referendumy v Rossii v 1991—1993 gg. — М.].

Туровский Р.Ф. 2009а. Региональные политические режимы в России: к методологии анализа // *Полис.* № 2 [Turovsky R.F. 2009a. Regional'nye politicheskie rezhimy v Rossii: k metodologii analiza // Polis. № 2].

Туровский Р.Ф. 2009б. Практики назначения губернаторов: инерция и радикализм в политике центра // *Полития.* № 2 [Turovsky R.F. 2009b. Praktiki naznachenija gubernatorov: inercija i radikalizm v politike Centra // Politeia. № 2].

Хантингтон С. 2003. *Третья волна: Демократизация в конце XX в.* — М. [Huntington S. 2003. Tret'ja volna: Demokratizacija v konce XX v. — М.].

Холмс С. 2013. Имитация демократии и имитация авторитаризма // Пшеворский А., Мигранян А. (ред.) *Демократия в российском зеркале.* — М. [Holmes S. 2013. Imitacija demokratii i imitacija avtoritarizma // Przeworski A., Migranjan A. (red.) Demokratija v rossijskom zerkale. — М.].

Шумпетер Й. 1995. *Капитализм, социализм и демократия.* — М. [Schumpeter J. 1995. Kapitalizm, socializm i demokratija. — М.].

Яковенко И. 2005. Демократический аудит России // *Новая газета.* 19.12 [Jakovenko I. 2005. Demokratsicheskij audit Rossii // Novaja gazeta. 19.12].

Gervasoni С. 2010. Measuring Variance in Subnational Regimes: Results from an Expert-Based Operationalization of Democracy in the Argentine Provinces // *Journal of Politics in Latin America.* № 2.

Giraudy А. 2013. Varieties of Subnational Undemocratic Regimes: Evidence from Argentina and Mexico // *Studies in Comparative International Development.* Vol. 48. № 2.

Hale H.E. 2005. Regime Cycles: Democracy, Autocracy and Revolution in Post-Soviet Eurasia // *World Politics*. Vol. 58. № 1.

Levitsky S., Way L. 2010. *Competitive Authoritarianism*. — Cambridge.

Mazzuca S. 2007. Reconceptualizing Democratization: Access to Power Versus Exercise of Power // Munck G. (ed.) *Regimes and Democracy in Latin America*. — Oxford.

McMann K., Petrov N. 2000. Survey of Democracy in Russia's Regions // *Post-Soviet Geography and Economics*. Vol. 41. № 3.

Milton-Edwards N. 1993. Facade Democracy and Jordan // *British Journal of Middle Eastern Studies*. Vol. 20. № 2.

O'Donnell G. 1999. *Counterpoints: Selected Essays on Authoritarianism and Democratization*. — Notre Dame.

Schedler A. 2006. *Electoral Authoritarianism*. — Boulder.

Shugart M., Carey J. 1992. *Presidents and Assemblies*. — Cambridge.

Snyder R. 2001. Scaling Down: The Subnational Comparative Method // *Studies in Comparative International Development*. Vol. 36. № 1.

Приложение

Таблица 5 Измерение региональных политических режимов

Регион	Год	Зависимость	Авторитаризм	Патрионализм
Алтайский край	2011	0,38	0,48	0,45
Амурская область	2011	0,69	0,55	0,51
Архангельская область	2009	0,69	0,63	0,43
Астраханская область	2011	0,31	0,59	0,50
Белгородская область	2010	0,32	0,87	0,61
Брянская область	2009	0,31	0,71	0,60
Владимирская область	2009	0,33	0,57	0,45
Волгоградская область	2009	0,31	0,62	0,49
Вологодская область	2011	0,21	0,47	0,51
Воронежская область	2010	0,65	0,80	0,41
Москва	2009	0,09	0,73	0,30
Санкт-Петербург	2011	0,17	0,69	0,38
Еврейская АО	2011	0,33	0,60	0,53
Забайкальский край	2008	0,34	0,64	0,58
Ивановская область	2008	0,73	0,57	0,57
Иркутская область	2008	0,59	0,57	0,58
Кабардино-Балкарская республика	2009	0,35	0,76	0,49

РОССИЙСКИЕ РЕГИОНЫ

<i>Регион</i>	<i>Год</i>	<i>Зависи- мость</i>	<i>Автори- таризм</i>	<i>Патримо- ниализм</i>
Калининградская область	2011	0,36	0,45	0,56
Калужская область	2010	0,26	0,68	0,53
Камчатский край	2011	0,40	0,58	0,40
Карачаево-Черкесская республика	2009	0,48	0,61	0,61
Кемеровская область	2008	0,17	0,83	0,48
Кировская область	2011	0,75	0,61	0,41
Костромская область	2010	0,74	0,44	0,56
Краснодарский край	2007	0,19	0,74	0,47
Красноярский край	2011	0,66	0,50	0,43
Курганская область	2010	0,38	0,55	0,51
Курская область	2011	0,30	0,56	0,38
Ленинградская область	2011	0,66	0,41	0,45
Липецкая область	2011	0,14	0,61	0,53
Магаданская область	2010	0,40	0,58	0,66
Московская область	2011	0,64	0,57	0,45
Мурманская область	2011	0,68	0,46	0,46
Ненецкий АО	2009	0,73	0,47	0,67
Нижегородская область	2011	0,68	0,57	0,44
Новгородская область	2011	0,71	0,62	0,49
Новосибирская область	2010	0,21	0,50	0,49
Омская область	2011	0,29	0,63	0,49
Оренбургская область	2011	0,28	0,57	0,37
Орловская область	2011	0,77	0,66	0,48
Пензенская область	2007	0,21	0,85	0,51
Пермский край	2011	0,12	0,58	0,49
Приморский край	2011	0,28	0,61	0,49
Псковская область	2011	0,78	0,58	0,51
Адыгея	2011	0,44	0,76	0,53
Республика Алтай	2010	0,34	0,56	0,67
Башкортостан	2008	0,19	0,93	0,49
Бурятия	2007	0,71	0,72	0,56
Дагестан	2011	0,40	0,72	0,50
Ингушетия	2011	0,42	0,90	0,67
Калмыкия	2008	0,38	0,80	0,69
Карелия	2011	0,77	0,41	0,41

РОССИЙСКИЕ РЕГИОНЫ

<i>Регион</i>	<i>Год</i>	<i>Зависи- мость</i>	<i>Авторизи- таризм</i>	<i>Патримо- ниализм</i>
Коми	2011	0,30	0,61	0,52
Марий Эл	2009	0,38	0,80	0,66
Мордовия	2011	0,38	0,94	0,50
Саха (Якутия)	2008	0,32	0,45	0,51
Северная Осетия	2007	0,41	0,59	0,55
Татарстан	2009	0,19	0,89	0,35
Тыва	2010	0,50	0,75	0,65
Хакасия	2009	0,30	0,68	0,60
Ростовская область	2008	0,29	0,87	0,46
Рязанская область	2010	0,66	0,61	0,58
Самарская область	2011	0,66	0,52	0,36
Саратовская область	2007	0,21	0,59	0,42
Сахалинская область	2008	0,24	0,56	0,55
Свердловская область	2010	0,25	0,47	0,58
Смоленская область	2007	0,27	0,57	0,59
Ставропольский край	2011	0,34	0,64	0,47
Тамбовская область	2011	0,39	0,68	0,47
Тверская область	2011	0,70	0,57	0,58
Томская область	2011	0,32	0,45	0,50
Тульская область	2009	0,32	0,71	0,55
Тюменская область	2011	0,28	0,74	0,42
Удмуртская республика	2007	0,17	0,72	0,45
Ульяновская область	2008	0,21	0,85	0,52
Хабаровский край	2010	0,30	0,60	0,49
Ханты-Мансийский АО	2011	0,61	0,47	0,48
Челябинская область	2010	0,28	0,66	0,41
Чеченская республика	2008	0,51	0,82	0,69
Чувашская республика	2011	0,36	0,61	0,44
Чукотский АО	2011	0,68	0,79	0,69
Ямало-Ненецкий АО	2010	0,14	0,78	0,59
Ярославская область	2008	0,23	0,72	0,59